

ПОСТСОВЕТСКИЙ ТРАНЗИТ И ДЕМОДЕРНИЗАЦИЯ

Александр Эткинд

Европейский университетский институт, Флоренция

Михаил Минаков

Институт Кеннана, Международный научный центр им. В. Вильсона

ORCID: 0000-0002-0619-7321

Долгое время ученые, политики и бизнесмены рассматривали развитие постсоветских обществ в терминах транзита. Многим казалось, что транзит означает коллективный переход от тоталитарного прошлого к демократии и рыночной экономике, что установится единство постсоветских и западных модерностей, ведущих к единой Большой Европе от Лиссабона до Владивостока (Gel'man, 2003: 89 и далее; Pickles & Smith, 2005: 2 и далее).

Эти оптимистические ожидания вскоре потускнели под влиянием отклонений от намеченной траектории развития многих стран Восточной Европы и Северной Евразии. В этой связи мы используем понятие демодернизации для описания новых, теоретически малоосмысленных реалий XXI века. Тестируя это понятие в постсоветском контексте, мы определяем демодернизацию как обратное развитие современного общества, ведущее к установлению порядка, где смешаны элементы предыдущих и новых периодов модернизации.

В своей книге «Развитие и дистопия» Михаил Минаков описал историю понятия демодернизации (Minakov, 2018a: 117 и далее). В западной социологии это понятие использовали вначале для описания реакции отдельных групп (например, религиозных общин или молодежных контркультурных движений) на общие модернизационные процессы (Hunter, 1981; Berger, 1973). Ален Турен и Шмуэль Эйзенштадт пытались перенести это понятие в центр социальной теории, но со скромным успехом (Touraine, 1992; Robertson, 2011). Джон Боун и Дэйвид Фазенфест применяли теорию демодернизации к экономическому анализу позднего капитализма (Bone, 2010; Fasenfest, 2011).

В Восточной Европе ученые применяли это понятие с большей охотой, особенно с тех пор, как постсоветская демодернизация стала доминировать в результате укрепления президентства Владимира Путина в России, победы авторитарных тенденций при правлении Виктора Януковича в Украине и разрастании авторитарно-консервативного «пояса» от Астаны до Минска и от Москвы до Анкары. В этом контексте первым стал изучать демодернизацию российский этнограф Валерий Тишков при исследовании культурных и социально-психологических последствий чеченских войн для населения Чечни (Тишков, 2001). Российский политик Григорий Явлинский использовал понятие для описания тенденций социально-экономического развития России в начале XXI века (Явлинский, 2003). Несколько позже, украинский историк Андрей Портнов писал о демодернизации в контексте украинского образования (Портнов, 2015). О подобных процессах в российской политике памяти писал Илья Калинин (Kalinin, 2011). Наконец, Альберто

Рабилотта, Яков Рабкин и Самир Саул предложили общую теорию демодернизации, определяющую ее как обратное и возвратное развитие современного общества (Rabilotta et al., 2013).

Александр Эткинд объяснял российскую демодернизацию в связи с ресурсной зависимостью путинского государства, которое установило монополию на сверхприбыльную торговлю нефтью и газом, отделило прибыль государства от дохода граждан и привело к «массовому искажению ценностных суждений и поражению самой способности производить такие суждения» (Эткинд, 2013: 165). Опора на нефть и газ определяет силу «петромачо» — группы людей, происходящих из секторов нефтедобычи и госбезопасности и контролирующих высшие эшелоны власти российского государства. Когда население становится предметом опеки со стороны такой элиты, оно утрачивает способность конкурировать, социальный капитал и даже навыки выживания. Базовые характеристики модерности — к примеру, образование, здравоохранение и доверие — становятся иррелевантны для государства и его собственников. Именно поэтому модернизация в России должна начинаться заново — с того, что «образованные, работающие, креативные женщины и мужчины отправят смешных, надутых *петромачо* на свалку истории» (там же, 166).

Теория демодернизации получила развитие под влиянием дискуссии, развернувшейся на страницах коллективного труда «Домодернизация. Будущее в прошлом» (Rabkin & Minakov, 2018). В ней восемнадцать философов, историков и социологов описали четырнадцать кейсов рассовременивания в разных обществах мира. Основная

дискуссия в этой книге обращается вокруг двух вопросов: является ли демодернизация линейным или циклическим процессом, и какие причины к ней приводят, внешние или внутренние? Так, Яков Рабкин определяет демодернизацию в линейных терминах:

«Демодернизация означает регресс по шкале модерности... Это означает длительную деградацию материальных, физиологических (health) и культурных условий в некогда модернизированном обществе, возвращение к «домодерным» формам жизни и коллективных идентичностей» (Rabkin, 2018: 17, 23).

В то же время, Жан-Люк Гватеро и Михаил Минаков выражают скепсис в отношении этой линейности (Guatero, 2018: 376 и далее; Minakov, 2018b: 250 и далее). Гватеро показывает, что модернизация и демодернизация — относительные понятия, которые часто проявляются одновременно в одних и тех же событиях (Guatero, 2018: 380). В то же время, Минаков рассматривает демодернизацию как период в цикле развития, как реакцию на попытки радикальной модернизации, ведущей к возвратному развитию (Minakov, 2018b: 250 и далее). При этом Яков Рабкин, Франсиско Ривера, Михаил Минаков и Ги Ланое рассматривают кейсы, в которых демодернизация происходит под влиянием внутренних причин, хотя и признают важность внешних факторов (Rabkin, 2018; Rivera, 2018; Minakov, 2018b; Lanoue, 2018). Однако, Орит Башкин, Детлев Квинтерн, Хитоши Сузуки и Илан Паппе показывают, что демодернизационные процессы в Ираке и Палестине происходят под влиянием внешнеполитических причин (Bashkin, 2018; Quintern, 2018; Suzuki, 2018; Pappe, 2018).

Наш журнал продолжает дискуссии вокруг понятия демодернизации на постсоветских примерах. Номер открывает статья Юрия Савельева, который доказывает неразрывность процессов модернизации и демодернизации. В пользу своего тезиса автор использует данные «Европейского исследования ценностей» (European Values Study, EVS) и «Всемирного исследования ценностей» (World Values Survey, WVS), что позволяет ему показать сложность (де)модернизации и в «успешных» западных странах, и в не столь успешных восточноевропейских обществах.

Светлана Щербак пытается деконструировать понятие демодернизации. По мнению авторки, это понятие основано на восприятии «идеальной модерности» как чего-то целостного и реалистичного, что, по ее мнению, является ошибочным суждением. Щербак показывает, что нормативное ядро модерности развивается в силу того, что его компоненты являются противоречивыми и связаны между собой гибко и свободно. Модерность состоит одновременно из «светлых» и «темных» сторон, из всеобщего образования и Холокоста, рациональной науки и этнических чисток. Авторка приходит к выводам, что те явления современности, которые называются демодернизацией, суть ни что иное, как последствия противоречий внутри неолиберальной идеи свободы.

Леонид Люкс описывает идеологические реакции на политическую эмансипацию в Европе после Первой мировой войны в виде немецкой «консервативной революции» и «евразийства» русских эмигрантов. Анализируя многообразные исторические примеры, Люкс показывает, как

политическое воображение использует иррациональные аргументы для противодействия политической модернизации в Центральной и Восточной Европе. Он также указывает на прямую связь между продвижением антизападничества и демодернизационным эффектом.

В следующей статье Виктор Козюк и Александр Длугопольский рассматривают «ресурсное проклятие» как демодернизационный процесс в ресурсозависимых обществах. Авторы показывают, что длительная опора на природные ресурсы приводит к институциональному дефициту, главенству неформальных правил и процедур в управлении и узурпацию власти правящими группами. Основываясь на анализе данных об экономических и управленческих практиках в современных обществах, авторы приходят к выводу о наличии статистической зависимости между экспортом минералов и развитием «крони-секторов» в экономике, а также обратной корреляции между экспортом минералов и политической стабильностью.

Крис Мондей рассматривает несколько постсоветских и посткоммунистических обществ, где наследие однопартийной системы привело к увеличению роли семьи как культурного института. Автор доказывает, что общества России, Беларуси, Северной Кореи, Китая, Таджикистана, Казахстана и Азербайджана следуют по схожему институциональному пути: они конституируют ситуацию, при которой правление одной семьи замещает правление компартии как механизма правления. Более того, автор утверждает, что правление одной семьи обеспечивает политическую стабильность упомянутых народов.

О схожих процессах пишут Антон Авксеньтьев и Валентина Киселева. В их статье показано, как неопатримониализм влияет на процессы построения политических коалиций на национальном и региональном уровнях. Авторы изучали логику борьбы властных групп, действующих в парламенте и областных советах Украины. Основываясь на солидной базе доказательств, исследователи утверждают, что на национальном уровне коалиции строятся по принципу «минимального выигрыша», тогда как в облсоветах это происходит по принципу более широкого представительства. В этих коалициях роль идеологий слабее, а патрональные связи важнее. Также, авторы показывают, как при строительстве «партий власти» — одного из наиболее заметного политического признака демодернизации — в пирамиды вовлекаются разные властные группы национального и областного значения.

В следующей статье Александр Забирко анализирует политическое воображение постсоветских русскоязычных писателей в жанре научной фантастики и их читателей. Автор доказывает, что наиболее популярные жанры современной фантастики продвигают эстетический и идеологический идеал «нового околдования» постсоветского культурного мира. В этом процессе многие консервативно-ориентированные авторы эксплуатируют базовые конвенции фэнтези и научной фантастики для утверждения неразрывности между вымыслом и реальностью. Фокусируясь на геополитических и социальных моделях, конструирующих негативный образ Другого, эти писатели легитимируют архаические общинные структуры и распространяют эстетику ресентимента. Кроме того, Забирко демонстрирует, как массовая литература формирует идеологические и

эстетические взгляды, которые затем приводят к участию в политических или военных действиях в постсоветских странах.

В статье Марии Энгстрем предложен анализ российской неомодернистской утопии в визуальных искусствах. Авторка фокусирует свой анализ на работах Антона Чумака, российского современного художника. Энгстрем выделяет в произведениях Чумака образы Донбасса, происходящих из видения особого империалистического модернизма и являющихся альтернативой для постиндустриальной эры. Эта эстетика отражает также новую роль православной церкви в современной России. Авторка указывает на то, что эстетическая утопия «новой античности» и «нового порядка» визуально проявляет «консервативный поворот» российской политики и культуры, ищущий альтернативу для неолиберального постиндустриализма.

Надеемся, что новый номер «Идеологии и политики» будет интересен как специалистам, так и широкой аудитории, интересующейся современными политическими и культурными процессами на постсоветском пространстве.

Bibliography

Bashkin O. Reborn Savages: Demodernization in Modern Iraq, in: Rabkin Y., Minakov M. (eds). (2018). *Demodernization. A Future in The Past*. Stuttgart: ibidem, 139-162.

Berger, P. (1973). Demodernizing Consciousness, in: *Social Policy*, 3, 1–12.

- Bone, J. D. (2010). Irrational Capitalism: The Social Map, Neoliberalism and the Demodernization of the West, in: *Critical Sociology*, 36(5), 717–740.
- Fasenfest, D. (2011). The Politics of Economic Change: Are We in a Brave New World? in: *Critical Sociology*, 37 (6), 715–718.
- Gel'Man, V. (2003). Post-Soviet transitions and democratization: Towards theory-building, in: *Democratization* 10(2), 87-104.
- Guatero J.-L. (2018). Which Modernity? Which Demodernization? In: Rabkin Y., Minakov M. (eds). (2018). *Demodernization. A Future in The Past*. Stuttgart: ibidem, 375-388.
- Hunter, J. D. (1981). The New Religions: Demodernization and the Protest against Modernity, in: Wilson, B. (Ed.). *The Social Impact of New Religious Movements*. New York: Rose of Sharon Press, 1–19.
- Kalinin, I. (2011). Nostalgic Modernization: The Soviet Past as a «Historical Horizon», in: *Slavonica*, 17 (2), 156–167.
- Lanoue G. Demodernization in Abruzzo: How Modernization Produced Tradition, in: Rabkin Y., Minakov M. (eds). (2018). *Demodernization. A Future in The Past*. Stuttgart: ibidem, 209-240.
- Minakov M. (2018b). Demodernization in Post-Soviet Eastern Europe, in: Rabkin Y., Minakov M. (eds). (2018). *Demodernization. A Future in The Past*. Stuttgart: ibidem, 241-260.
- Minakov, M. (2018a). Development and Dystopia. Studies in Post-Soviet Ukraine and Eastern Europe. Stuttgart: ibidem, 2018.

- Pappe I. The Many Faces of Demodernization: The Case of Palestine, in: Rabkin Y., Minakov M. (eds). (2018). *Demodernization. A Future in The Past*. Stuttgart: ibidem, 193-208.
- Pickles, J., Smith, A. (Eds.). (2005). *Theorizing transition: the political economy of post-communist transformations*. London: Routledge.
- Quintern D. Demodernization as Orientalization: The Case of Iraq, in: Rabkin Y., Minakov M. (eds). (2018). *Demodernization. A Future in The Past*. Stuttgart: ibidem, 163-178.
- Rabilotta, A., Rabkin, Y. and Saul S. (2013). La démodernisation en marche, in: *Revue internationale et stratégique*, 92, 40–50.
- Rabkin Y. (2018). Undoing Years of Progress, in: Rabkin Y., Minakov M. (eds). (2018). *Demodernization. A Future in The Past*. Stuttgart: ibidem, 17-46.
- Rabkin Y., Minakov M. (eds). (2018). *Demodernization. A Future in The Past*. Stuttgart: ibidem.
- Rivera F. Museology of Demodernization: Ruins of a Mining Village in Northern Chile, in: Rabkin Y., Minakov M. (eds). (2018). *Demodernization. A Future in The Past*. Stuttgart: ibidem, 109-138.
- Robertson, R. (2011). S.N. Eisenstadt: A sociological giant, in: *Journal of Classical Sociology*, 1, 303–311.
- Suzuki H. Demodernization versus Modernization in the Wake of the Iraq-Iran War, in: Rabkin Y., Minakov M. (eds). (2018). *Demodernization. A Future in The Past*. Stuttgart: ibidem, 179-192.
- Touraine, A. (1992). *Critique de la Modernite*. Paris: Fayard.

Портнов, А. (2015). *Демодернизация исторического образования в постсоветской Украине*. Колонка в Ab Imperio: [<http://net.abimperio.net/en/node/1827>]. Проверено 7.10.2018.

Тишков, В. (2001). *Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны)*. Москва: Наука.

Эткинд, А. (2013). Петромачо, или Механизмы демодернизации в ресурсном государстве, в: *Неприкосновенный запас*, 2(88) (также доступен: www.nlobooks.ru/node/3432).

Явлинский, Г. (2003). *Демодернизация. Современная Россия, экономические оценки и политические выводы*. Москва: Эпицентр.